

Начало перемен

По сцене этого театра ходили «провинциальные девушки» и «девушки с кувшинами», юноши брицали шпалами, развешивали плащи. Спектакли опаздывали, зрители — тоже. Во время действия шутили целлофановые обертки печенья, трещали вафельные стаканчики с мороженым. Любители и знатоки театрального искусства прищипывали себя: когда же все это кончится? Ведь давно стала «Девушка с кувшином», спектакль «крутился» годами. «Провинциальная девушка» прижилась в столице к порядком заведомо столичному зрителю.

В нынешнем сезоне в Московский драматический театр пришел новый главный режиссер — А. А. Гончаров, а вместе с ним начались перемены. Любопытно, что начались они с ... гардероба. Старый принцип К. С. Станиславского «театр начинается с вешалки» вновь вступил в свои права. Опаздывающих перестали пускать в зал, мороженое теперь доводят в бутете, спектакли начинаются ровно в 7.30. Мелочи? Совершенно верно. Но они дисциплинируют зрителей, учат уважать труд актёра.

А потом афиши объявили о премьере комедии К. Финна «Начало жизни». Это был первый спектакль, поставленный под руководством нового режиссера.

Свежий, яркий по исполнению, звучащий радостно и мажорно, богатый актерскими удачами, спектакль стал событием в театральной жизни Москвы.

А. А. Гончаров проявил себя большим, живущим художником. Он ушел от проторенных дорог, от наигрыши и поверхностных решений и сосредоточил все внимание на рас-

крытии характеров действующих лиц. И в том, что главный акцент сделан именно на характерах героев, а не на ситуациях, не на внешних положениях, — основная удача спектакля.

Недавно московские зрители познакомились с новой работой режиссера А. А. Гончарова в Драматическом театре — спектаклем по пьесе прогрессивного американского драматурга Артура Миллера «Вид с моста». И эту постановку можно по праву назвать произведением творческим.

Пьеса, рассказывающая правду об американском «рае», обошла уже многие сцены мира, хотя в Соединенных Штатах она запрещена цензурой. По-разному ставят ее различные театры. Известный английский режиссер Питер Врух увидел в этой трагедии лишь любовную латентную историю. Итальянцы поставили спектакль в манере неореализма. Думается, однако, что трактовка Московского драматического театра и режиссера А. А. Гончарова, заострившая внимание на социальной стороне произведения, наиболее близка к замыслу драматурга.

А. Миллер показал жизнь простых людей итальянского квартала Нью-Йорка, их страшную судьбу, борьбу за существование, их растоптанную и поруганную любовь Бруклинский мост, соединяющий две части города — фешенебельные кварталы и трущобы, становится свидетелем драмы, разыгравшейся в семье итальянца Эдди. Жизнь здесь — «голодный, протяжный вой».

«Голодный, с унылым, чуть усталым взглядом из-под опущенных век, с мозолистыми

руками, Эдди всю свою трудную жизнь мучительно искал средства к существованию. Единственный луч в беспросветной тьме — племянница Катрин. Узнав, что она полюбила Родольфо и собирается покинуть его дом, Эдди приходит в бешенство. Он теряет единственное, дорогое, ценное. В отчаянии Эдди идет на предательство: он выдает иммиграционным властям возлюбленного Катри, который нелегально приехал из Италии в поисках заработка. Все отворачиваются от Эдди. Одиноким, всеми покинутым, он умирает. Его последний взгляд обращен к Катрин. «Кати, почему?» — спрашивает он. Почему человек пошел на преступления перед своей совестью? Почему заперло, таяло разум хорошие, честные люди?

Эдди — С. Соколовский — самая большая удача постановки. В образе раскрылось трагедийное дарование актера. Сильными, лаконичными средствами С. Соколовский рассказывает историю морального падения человека. Его Эдди меняется на глазах: он то ласков, то груб, то сдержан, то теряет власть над собой. Актер умеет молчать на сцене, огромным содержанием наполнены немые сцены спектакля. О многом говорят глаза его, то потухшие, будто припорошенные пеплом, то горящие огнем страсти и ярости. Театр не оправдывает, не примиряет, напротив, сурово развивчивает героя. И рядом с ним еще чище, еще красивее выглядит Марко — В. Ширшов и Катя — В. Богданова.

Марко в исполнении В. Ширшова — мягкий, благородный, податливый, застенчивый человек. Рассказывая о своих детях, о жене, он смущенно краснеет, словно молодой влюбленный. И вот этот, добрый, милый человек убивает Эдди. Рука Марко какает предателя. Это не кровавая месть, а справедливое наказание.

В. Богданову мы знаем как актрису лирического дарования, обязательную, тонкую, органичную. Думается, что исполнение роли Катрин — это успех актрисы, ибо она сумела показать духовный рост своей героини. Из легкой, безмятежной девочки Катя превращается в женщину умную, сильную, страстную, готовую отстаивать свою любовь.

«Весь спектакль в целом обладает единством композиционного решения. Действие его развивается напряженно, стремительно. Проектор, выхватывающий из общей массы одно лицо и концентрирующий на нем внимание зрительного зала, перенос эпизодов на авансцену, частое применение сценического круга — вот средства, которые использует режиссер, чтобы подчеркнуть стремительный ритм спектакля, усилить его драматическое звучание.

«Начало жизни» и «Вид с моста» — две удаchy театра, дающие не баловавшегося зрительской творческими находками. Две удаchy за сравнительно небольшой срок. Думается, что драматическому театру не стоит снижать взятый творческий темп.

Е. ЗОНИНА.